

ТО ЛН по лености, то ли по мудрости иной новый руководитель не торопится все начинать сначала, а ставит спектакли, на репетициях познавая, кто на что способен. Иначе, что за роль у режиссера, если он станет окончательным судить об актерах по чужим работам? Да и актерам, кстати, легче понять режиссера в деле, где творческий диалог со временем может стать надежной основой для подлинного единомыслия. Трудно себе представить, что в любом старом, обремененном традициями коллективе такой союз с молодым руководителем может возникнуть на каких-то иных началах. Разве что сюда назначат выдающегося, всеми признанного художника, но где взять таких для пятисот театров страны?

За последние пятнадцать лет я шестой раз встречаюсь с львовянами. Одни спектакли запомнились лучше, другие хуже. Но не в этом дело. В конце концов так можно сказать о любом театре. У заныковчан меня лично беспокоили прежде не плохие спектакли, а вполне пристойные. Это не парадокс, я попытаюсь сейчас объяснить свою мысль.

Подлинная неудача театра не требует к себе особого внимания в силу своей очевидности. Другое дело, когда ты смотришь внешне благополучный спектакль, но чувствуешь, как постепенно сатанешь от полного равнодушия по обе стороны рамы.

Положение усугублялось еще и тем, что для серьезных упреков внешне, повторяю, не было никаких оснований. Сегодня к театру можно предъявить куда больше претензий. Как могло случиться, например, что в репертуаре московских гастролей среди десяти пьес не оказалось ни одной, посвященной современности? Ближайшее время действия — послевоенные годы. Не отстать бы с такими темпами от жизни! Тем более, что некоторые из этих пьес сегодня выглядят, как простые свидетельства очевидцев. Не больше! И несколько реплик, призванных спровоцировать их в наши дни, положения не меняют.

Коль скоро речь зашла о репертуаре, надо честно признать, что здесь сохраняется стремление к автономии. Мы увидели не просто украинский национальный театр, отличный от русского или узбекского. Репертуар заныковчан не похож прежде всего на репертуар любого другого украинского театра: «Сестры Ричинские», «Мария Заньковецкая», «Ночь на поле», «Маклене Грасса», «Называй меня матерью», наконец, «Чайка» — все это собственный репертуар.

Б. Тягно был главным, но не единственным режиссером. Такое же положение сохраняется и сегодня. С той лишь разницей, что за плечами у Б. Тягно, человека энциклопедически образованного, когда он пришел сюда, была школа Лесья Курбаса и многолетний самостоятельный опыт. А С. Данченко сравнительно недавно окончил Киевский театральный институт, поставил несколько спектаклей у заныковчан, затем возглавил на два года Львовский тюз и снова вернулся сюда, но уже в качестве руководителя. Может быть, и поэтому в Москве было показано всего три его работы. Меньше, чем у очередного режиссера А. Рипко. И, если говорить откровенно, спектакли С. Данченко, за исключением «Каменного восточника», который заслуживает специального разговора, не очень-то отличались от всех других. вполне вероятно: такова сознательная позиция нового руководителя. Нет ничего опаснее театра в театре. Я имею в виду не заученную жизнь, а то, что бывает видно каждому из зала, когда в

конфликтной ситуации оказываются не люди, а эстетические категории.

У меня сложилось впечатление, что С. Данченко пришел сюда всерьез и надолго, и поэтому не хочет торопиться. Такая позиция, вероятно, устраивает обе стороны: ведь здесь еще работают основатели, авторитет которых по-прежнему непререкаем, хотя формально они не руководят театром.

КОГДА я рассматриваю афишу нынешних гастролей, во мне борются два чувства. С одной стороны, оригинальность репертуара — вещь похвальная. С другой, если театр задается единственной целью быть во что бы то ни стало оригинальным и ищет пьесы по принципу, о котором на Украине говорят: «Хай гірша, аби інша», его вряд ли стоит поощрять.

Так, например, трудно объяснить, почему не «Талан» («Судьба») М. Старицкого, а «Мария Занько-

хов, выполненных искусными бутылками с такой тщательностью, что каждому зрителю невольно хотелось попробовать хоть несколько зерен на зубок. И вот теперь этот же украинский театр прекрасно обходится без всякой театральной мишуры, хотя вы видите на сцене и подсолнухи, и деревья, и бугорки-ригорки. Только не натуральные, а оплодотворенные образным видением художника.

Емьшинство спектаклей оформил М. Киприян, обнаруживший, помимо знания национальных традиций и эпохи, отличное понимание театра, его огромных, поистине неисчерпаемых возможностей. Правда, иногда М. Киприяну изменяет вкус, и тогда на сцене обнаруживаются элементы эклектики. Кроме того, к нему мы вправе предъявить претензии не только как к художнику-постановщику, но и как к главному художнику. Очень жаль, что в таком театре отсутствует общая культура внешней формы спектакля. Ведь главный художник воспи-

Образ Феногена Я. Ярменко создал сравнительно недавно, но это, по-моему, лучшая его работа последних лет, во всяком случае среди тех, которые довелось видеть мне. Приходится только удивляться, как органично сочетаются в этом актерском исполнении традиционность и современность.

То же самое следует сказать и о Б. Романицком, когда он играет в «Суете» или «Хозяине», — все разное. В какой форме находятся эти актеры! И как работают! Одним лишь сомнением мне хотелось бы поделиться откровенно. Плохо, когда в театре роли распределяются только по амплуа, отчего Б. Кох из вечера в вечер играет мерзавцев, Ф. Стрыгун — героев-любовников, а Б. Антика — еврей-ростовщиков и маклеров. Но все же нужно считаться с тем, что при самом широком диапазоне у каждого актера должно быть свое защитное реле. Ну, для чего было Б. Романицкому, играть Грасса, у которого, по пьесе, старшей дочери — тринадцать, а младшей — семь лет? Или Я. Ярменко — генерала Есипова в «Марии Заньковецкой»? Ведь в ту пору чины эти получали не столько за военные заслуги. Куда больше учитывалось происхождение. Да и Г. Шайда в роли жены генерала смотрится по-опереточному. А ведь она безусловно способный человек. И в «Суете», скажем, в этом можно было снова убедиться.

Играть постоянно одно и то же не менее опасно, чем поручать любому самому талантливому актеру роль, которая находится вне пределов его индивидуальности. Особенно, если это не эпизод, а центральный образ, от которого зависит не только репутация актера, но и судьба спектакля. Я имею в виду, к примеру, Зброжека в «Маклене Грассе». Театр, по-моему, излишне прямолинейно понял этот образ — один из самых сложных, философских у М. Кулиша. Да, Зброжек — маклер. Это его профессия. Но любая профессия сама по себе ничего означать не может. Она лишь одна из дополнений к характеру, который раскрывается в сложных взаимосвязях с другими образами. Я думаю, что Зброжек — вне пределов диапазона В. Максименко. И если актера этого мы могли увидеть и в других комедийных, бытовых ролях, где по-настоящему раскрылось его дарование, то другого Зброжека мы, к сожалению, увидеть не могли. А ведь эта роль по плечу М. Астангову, например!

ТЕАТРАЛЫ-москвичи в шутку говорили, что они ходят на гастроль Л. Кадыровой, а не львовского театра. В каждой шутке есть известная доля правды. Л. Кадырова играла в семи спектаклях из десяти. Ей поручают разные роли. Она это чувствует и старается, чтобы и зрители почувствовали то же самое. Удастся ей, правда, добиться своей цели не всегда. В «Сестрах Ричинских», «Марии Заньковецкой», «Ночи на поле», «Каменном восточнике» — в большей степени. В Маклене — отчасти, хуже всего пока знаменитая сцена под фонарем. В «Чайке», по-моему, у Кадыровой не получается четвертый акт. (Правда, в этом спектакле, кроме Треллева, Медведево и Дорна, у всех других вообще ничего не получается. Очень жаль! Современный театр не может обойтись без драматургии Чехова. Конечно, в один день нельзя научиться его играть, особенно «Чайку». Но стремиться к этому необходимо, если хочешь идти в ногу с жизнью).

Думаю, что театр проявил бы большую мудрость, со всех точек

зрения, если бы так не перегружал молодую актрису. Нельзя играть ежедневно, а то и по два раза в день главные роли. Да и не нужно. Я пишу об этом так определенно потому, что Л. Кадырова заслуживает к себе особого внимания. Я знаю многих великолепных украинских актеров и актрис. Но великих трагических актеров мне довелось видеть здесь только двоих: В. Чистякову и А. Бучму. Воюсь пророчествовать, но Л. Кадырова имеет все данные к тому, чтобы стать большой актрисой. Она уже сейчас оказалась в одном ряду с Алисой Фрейндлих, Адой Роговцевой, Эмой Поповой, Ларисой Малеванной, Ольгой Яковлевой. Хороший список, хотя здесь названы актрисы разного положения, разной степени известности, разных индивидуальностей. Но ни одной из них не приходится играть каждый вечер. Нужны паузы. Без них все может погибнуть.

В этом смысле куда правильнее позиция театра в отношении к актеру Б. Ступке. Сегодня он играет Дон Жуана и Треллева, а завтра — эпизодическую остро характерную роль в «Суете». Играть с наслаждением. Есть, правда, и у него свой грех: Б. Ступка, к сожалению, не может скрыть от нас, что давно уже знает, как мы его любим. И потому у него свобода сценического поведения грозит превратиться в некоторую отвагу... Когда в четвертом акте Б. Ступка — Трелев по техническим причинам не мог открыть дверь и вошел в комнату через условную стену, дав нам понять, что мы не должны придавать этому особого значения, а затем, естественно, через нее же и вышел, мы могли бы ему аплодировать. Но когда он вновь сюда вернулся, мы вправе были ждать, что теперь уж он воспользуется все-таки нормальной дверью, тем более, что к этому времени другие актеры как-то к ней приуловились. Однако Б. Ступка не пошел навстречу нашим ожиданиям. Я говорю об этой мелочи потому, что она меня насторожила. Сколько одаренным людям, особенно актерам, больше всего мешает бремя «собственной гениальности». Было бы обидно, если бы нечто подобное случилось и с Б. Ступкой.

Среди тех, кого я видел прежде и с кем встретился впервые, особенно отрадное впечатление производят А. Гринько, Б. Козак, Б. Мирус, Ф. Стрыгун, И. Завадская, В. Коваленко, В. Глухой, В. Расстальной, Ю. Брылинский, независимо от того, какого размера роли им достались. И в то же время огорчило меня, что я не увидел вовсе Л. Кривицкую, реже, чем они того заслуживают, встречался на сцене с В. Подлинской, А. Гаем, Л. Кагановой, В. Аркушенко, актерами, для которых нужно специально, мне кажется, ставить спектакли.

НАКОНЕЦ, последнее соображение. В наши дни принято делить театры на современные и несовременные. Деление это достаточно условное. И все же есть какие-то объективные критерии. Например, репертуар. И не только современный. В таком театре может идти Чехов и Брехт, Ибсен и Шоу, Сухово-Кобылин и Толстой, Шиллер и Островский. Мне кажется, что заныковчане сегодня могут поставить любую хорошую пьесу — от «Гамлета» до «Наталки-Полтавки».

Не отказываясь от славной истории, нынешнее поколение театра, по-моему, понимает, что ему предстоит не только охранять славу, добытую первопроходцами, но и самим ее приумножить. Именно из этого ощущения, возникшего в результате десяти совместно проведенных вечеров, и родилась интонация и смысл моих сегодняшних заметок.

Гастроль юбилейного года

ДЕНЬ ПРОШЕДШИЙ, ДЕНЬ БУДУЩИЙ

Львовского академического украинского
драматического театра имени М. К. Заньковецкой

Б. ПОЮРОВСКИЙ

векая» И. Рябокляча оказалась в репертуаре театра. Неужели же все дело в том, что в «Талане» — классической пьесе, посвященной М. К. Заньковецкой, Мария Колостанциевна существует под именем актрисы Лучицкой? Значит, художественные достоинства произведения решающего значения не имели? Ведь предположить, что здесь не сравнивали эти пьесы, невозможно. И все-таки, предпочтение отдали не лучшей, руководствуясь чисто формальными признаками.

«Сестры Ричинские» — одно из наиболее известных прозаических произведений современной украинской писательницы И. Вильде, превратившись в пьесу, изменилось до неузнаваемости. Образы стали плоскостными, ситуации — банальными, конфликт — прямолинейным. Примерно такое же впечатление производит драма Д. Урияничюте «Называй меня матерью». Трудно даже поверить, что это оригинальная пьеса, а не инсценировка...

НАЧАВ, по традиции, разговор о репертуаре, посмотрим теперь, какими средствами он реализуется. Я вспоминаю прежние работы театра. Еще десять лет тому назад считалось, что в украинских пьесах музыка, песни и танцы всегда обречены на дивергентность. Они красивы сами по себе, и требовать от театра, чтобы он заботился, как бы из-за них не прекратилось действие, казалось многим занятием безнадёжным. Но нынешние гастроль доказали, что и музыка, и песни, и танцы в украинском театре могут и должны быть подчинены общей сверхзадаче спектакля.

А сколько художников было убеждено в том, что живописность национального пейзажа нельзя передать без знаменитых подсолну-

тывает сотрудников постановочной части в такой же степени, как главный режиссер — актеров труппы. И, следовательно, в такой же степени несет за них ответственность. Отчего же тогда такие контрасты?

Резной буфет из дома Ричинских, например, сделать так, что его можно смело поместить в любой хрестоматии, на любой выставке. Он сам по себе — произведение высокого искусства, создать которое было совсем не просто. Во всяком случае куда сложнее, чем проследить, чтобы в послевоенной Литве герон не читали вечерний выпуск газеты «Известия» образца июня 1972 года... И не пили бы спиртное из одной и той же бутылки для «Плиски» почти во всех спектаклях, независимо от времени и места действия. А чего стоит парик Терешки в «Суете»? И ведь рядом же, у других актеров, отличные парики...

НАКОНЕЦ, актеры. В десяти спектаклях — около ста ролей. Мне хотелось бы и здесь попытаться разобраться в каких-то общих проблемах, свойственных заныковчанам, сопоставив их, разумеется, с опытом прошлых лет.

Думаю, не каждый театр — и не только на Украине — может сегодня представить такую поразительную труппу. Какие собраны здесь индивидуальности! Причем во всех поколениях. Конечно, есть и у заныковчан актеры слабые, без индивидуальности. Но не они делают погоду.

Пожилых, многоопытных актеров в любом театре занимают реже других, потому что и роли для них попадают не часто. Да и играют они их не всегда хорошо. Правда, не все. То, что делает Я. Ярменко в «Хозяине», я могу сравнить лишь с работами Г. Юры, Ю. Шумского, Н. Марьяненко, М. Крушельницкого.

СОВЕТСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ 1 ЮН 1972